Кость - хорошая вещь, особенно костный мозг внутри. Он ароматный и нежный, такое точно нельзя упускать. Именно поэтому Цзи Вэй потратил семь вэней на целую кучу костей. Мяса на них не было, зато для супа они подходили идеально: бульон выходил наваристым и полезным. Лю Иманю, который еще рос, самое то.

Вернувшись от мясника, Цзи Вэй уже решил, что впредь будет заглядывать туда почаще. По его мнению, деньги нельзя накопить одной только экономией. Чтобы копить, надо еще и зарабатывать больше.

Он сам с удовольствием грыз кости, а Лю Имянь никак не мог решиться. Он никогда не видел, чтобы их ели таким образом. Да и кто станет платить за кости, на которых совсем нет мяса?

Но лапша в бульоне и правда была очень вкусной.

Лю Имянь втягивал лапшу одну за другой. Тянутая лапша с яйцом, на которую щедро потратили продукты, была упругой и пружинила на зубах, а бульон пропитался густым мясным ароматом. Он увлекся едой, аккуратно отодвинул полоски мяса в сторону и сначала сосредоточился на лапше. Только когда лапша закончилась, он начал медленно смаковать мясо.

- Почему кости не ешь? - Цзи Вэй указал на нетронутые кости в его миске и приподнял бровь. - Я знаю, что обычно кости никто не ест, но ты попробуй. Костный мозг внутри очень вкусный, не съешь - жалко будет.

Возможно, довольный вид Цзи Вэя убедил Лю Иманя. Он подражая ему взял кость рукой, немного нерешительно протолкнул палочкой, потом поднес к губам и втянул.

Цзи Вэй улыбнулся и подсказал:

- Да, вот так. Сильнее. Еще сильнее! Получилось? Ну как?

Лю Имянь втянул изо всех сил. После отчетливого чмокающего звука ему наконец достался глоток мягкого, скользкого костного мозга. Насыщенный мясной вкус тут же наполнил рот, и слюны стало так много, что он долго держал кусочек во рту, не желая глотать.

- Братец Цзи, я впервые слышу, что в кости тоже есть мясо! - Лю Имянь с любопытством посмотрел на кость. Костный мозг внутри уже был высосан, и длинная кость стала полой.

Потом Цзи Вэй научил Лю Иманя обгладывать суставы. Вкус, совсем не похожий на обычное мясо, сразу крепко его увлек. Открыв для себя новый мир, Лю Имянь уже не нуждался в подсказках Цзи Вэя и вскоре превратил кости в своей миске в кучку обломков.

Цзи Вэй с удовольствием отрыгнул: наелся как следует. Когда Лю Имянь закончил, он собрал миски и палочки и уже собирался мыть посуду, но Лю Имянь остановил его.

- В обед лапшу готовили вы, братец Цзи. Дайте уж миски вымыть мне.

Тому, кто привык постоянно что-то делать, трудно вдруг оказаться без дела. В эти дни Лю Имянь почти не касался плиты, так что ему оставалось только стирать и убираться, и от этого на душе становилось немного спокойнее.

Цзи Вэй не стал отказываться. Он вытер руки и вернулся в комнату. Изначально хотел немного вздремнуть, но недавний массаж на четверть часа так его освежил, что теперь он был полон

сил и совсем не хотел спать. Лежа на кровати, он снова и снова думал о хлебной печи, пока наконец не поднялся и не принялся рыться в сундуках и шкафах в поисках бумаги и кисти.

Лю Имянь открыл дверь и вошел как раз в тот момент, когда Цзи Вэй распахнул шкаф и, почесывая голову, что-то искал.

- Братец Цзи, что вы ищете? Все в доме я прибирал, давайте я помогу.

- Бумага и кисть есть?

- А?

Этот вопрос сбил Лю Иманя с толку. Родители прежнего владельца были неграмотными, такие вещи им были ни к чему. Сам прежний владелец не любил читать и тем более не прикасался к книгам. В доме не было ни кисти, ни туши, ни бумаги, ни тушечницы. Если что-то требовалось написать, можно было найти ученого господина на улице.

Цзи Вэй немного подумал и махнул рукой:

- Не нужно. Я после обеда выйду. Ты отдохни дома.

Сказав это, он снова торопливо выбежал.

Четыре главные улицы города Чанлю - Восточная, Западная, Южная и Северная - пересекались крест-накрест. Восточная и Западная улицы утром и вечером были заполнены прилавками, а Северная и Южная выглядели куда богаче и оживленнее. Помимо множества маленьких трактиров, там были книжные лавки, ломбарды и прочие заведения. Несколько дней назад Цзи Вэй закладывал нефритовый браслет именно на Южной улице.

Прежний владелец редко бывал на Южной улице, но по памяти Цзи Вэй все же нашел лавку письменных принадлежностей. Войдя внутрь, он сразу обратил внимание на множество каллиграфических свитков и картин, висевших на стенах. Лавочник за прилавком увидел Цзи Вэя и рассмеялся:

- О, какой сегодня ветер занес дядюшку Цзи? Наша маленькая лавка прямо засияла!

Цзи Вэй сделал вид, что не услышал насмешки, и прошелся по лавке:

- Хозяин, сколько стоит набор четырех драгоценностей кабинета?

- Вы хотите купить? - Лавочник на мгновение застыл, но тут же добавил: - Лучший набор стоит один лян серебра, средний...

Цзи Вэй нетерпеливо перебил:

- А самый дешевый сколько?

Лавочник не посмел говорить лишнего и сразу снял с полки несколько вещей, положив их на прилавок:

- Господин Цзи, это самый хороший из дешевых наборов в нашей лавке. Двести вэней, дешевле никак.

Стопка бумаги - на взгляд тридцать-пятьдесят листов. Бумага тонкая, но гладкая. Кисть

обычная, на ощупь немного жестковата. Что до туши и тушечницы, качество было среднее, зато стоили они дешево.

Цзи Вэй достал из-за пазухи мешочек с деньгами, отсчитал сто пятьдесят монет и хлопнул ими по прилавку. В духе торга он уставился прямо на лавочника, надеясь сбить цену, и сказал с нарочитой наглостью:

- У меня только столько. Хозяин, сам смотри, продаешь или нет.

Лавочник слышал о дурной славе Цзи Вэя. Увидев его поведение, он так испугался, что лицо посерело. Теперь он мечтал только о том, чтобы этот бедоносец поскорее покинул его маленькую лавку. Как тут возражать? Он закивал:

- Раз дядюшка Цзи хочет купить, конечно, хватит. Сейчас же заверну.

Сказав это, он вытащил из-под прилавка веревку, упаковал кисть, тушь, бумагу и тушечницу, передал Цзи Вэю и поспешно проводил его до самой двери. Только когда тот ушел, лавочник с облегчением выдохнул.

Рядом с лавкой письменных принадлежностей находилась книжная. Многие ученики выбирали книги на полках. Те, кто узнал Цзи Вэя, отступили один за другим, словно учуяли дурной запах, и вскоре в узкой книжной лавке вокруг него образовалась небольшая пустая зона.

Цзи Вэй притворился, что ничего не замечает. Денег было мало, поэтому он взял только «Лунь юй» и «Ши цзин», расплатился и покинул Южную улицу. Возвращаясь к хижине семьи Цзи, он даже тихо напевал.

На весь поход ушло всего полчаса, а стоил он почти триста вэней. Цзи Вэй сел на табурет, вздохнул и принялся растирать тушь:

- Тратить деньги и правда легко, а зарабатывать трудно.

Лю Имянь не удержался и утешил его:

- Братец Цзи, вы такой умелый. Обязательно заработаете много денег.

Цзи Вэй горько улыбнулся:

- Я сам не знаю, получится ли, а ты в меня веришь сильнее, чем я.

Конечно, «много денег» они понимали по-разному.

Когда тушь была готова, Цзи Вэй разложил на круглом столе лист бумаги, обмакнул кисть и написал несколько слов:

Острие меча рождается из шлифовки.

Почерк был сильным и уверенным, с крепкой школой.

Это было девизом Цзи Вэя.

Он родился в семье, занимавшейся китайскими сладостями. В детстве отец, чтобы обуздать его игривый нрав, заставлял каждое утро по часу заниматься каллиграфией. Цзи Вэй учился стилю Лю. Сначала просто пытался отделаться от отца, но позже, когда уехал за границу

учиться ремеслу, всякий раз при трудностях или раздражении писал несколько листов, чтобы успокоить настроение.

Цзи Вэй остался немного доволен только что написанными словами. Затем небрежно отодвинул лист, разложил другой. Но на этот раз не стал писать, а начал набрасывать рисунок.

Сначала это были ровные, квадратные линии. Но вскоре, следуя движениям кисти Цзи Вэя, на бумаге появилось нечто странной формы: квадратное основание, дугообразный свод и отверстие спереди.

Затем Цзи Вэй написал на свободном месте рядом: цемент, кирпичи, бутылки, солома, песок. Взял еще один лист и подробно записал по памяти процесс изготовления. Проверил несколько раз и только тогда наконец выдохнул с облегчением.

Хорошо, что Цзи Вэй был любознательным. В прошлом, когда ему довелось гостить у пожилой иностранной пары, он расспросил их о том, как устроена такая печь. Иначе сейчас он бы совсем ослеп и мог бы забыть о выпечке навсегда.

Лю Имянь смотрел, как Цзи Вэй рисует и пишет. Ему было непонятно, но, увидев усталое лицо Цзи Вэя, он послушно не стал расспрашивать. Вместо этого пошел на кухню, вскипятил таз горячей воды и принес полотенце, чтобы тот умылся.

...

Когда Чжао Ху вернулся с Западной улицы, он бросил пустую корзину, выпил приготовленный на столе травяной чай и громко крикнул:

- Матушка, я вернулся!

Вскоре тетушка Чжоу вышла из кухни и радостно спросила:

- Все продал?

Чжао Ху кивнул.

Каждое утро он ходил в горы за свежими лесными плодами и грибами, а к полудню продавал их на Западной улице. Иногда торговля шла хорошо и все удавалось распродать. Если что-то оставалось, он приносил это домой, чтобы разнообразить еду. Сегодня ему повезло: одна молодая госпожа выкупила всю оставшуюся дикую боярышнику, сказав, что дома приготовит боярышниковые лепешки.

Тетушка Чжоу похвалила Чжао Ху несколькими словами и вдруг вспомнила, что соседский мальчишка из семьи Цзи вроде бы тоже вышел на улицу продавать лепешки. Она с любопытством спросила об этом Чжао Ху. Стоило ей заговорить, как тот не удержался от удивления.

- Если бы он сегодня прямо на улице не прижал Баоцзы-Сиши, я бы подумал, что его подменили, - слова Чжао Ху тут же разожгли любопытство тетушки Чжоу. Она несколько раз хлопнула его, велев быстрее рассказывать. - Когда я пришел на Западную улицу, он уже давно все распродал. Слышал, с утра торговля шла хорошо, люди то и дело подходили спрашивать. Только потом он поссорился с Баоцзы-Сиши, и речь зашла о...

Чжао Ху все-таки был честным человеком. Некоторые вещи ему было неловко произносить,

поэтому он почесал затылок и глуповато улыбнулся тетушке Чжоу.

- Ах ты, паршивец! Что тебе стыдиться собственной матери? Говори! - Тетушка Чжоу со смехом рассердилась и выкрутила Чжао Ху ухо.

Чжао Ху несколько раз потер ухо и пробормотал:

- Баоцзы-Сиши все-таки девушка. Цзи Вэй сказал, что у него с ней была связь. Для ее репутации это нехорошо…

- Что?!

Тетушка Чжоу так громко вскрикнула, что Чжао Ху вздрогнул.

- Матушка, что случилось?

- Хорош мальчишка! Разве не третья сестрица Линь из Второго западного переулка? Как тут еще Баоцзы-Сиши появилась?

Раньше тетушка Чжоу, бывая на улице, уже слышала об этих грязных делах. А стоило ей вспомнить о Лю Имане, сердечная боль тут же превратилась в гнев.

Чжао Ху лучше всех понимал свою старую матушку. Увидев, как резко изменилось ее лицо, он не удержался и пробормотал:

- Матушка, все-таки Цзи Вэй сам купил того гээра. Это их семейное дело. Зачем вам, постороннему человеку, так вмешиваться?

Тетушка Чжоу закатила глаза:

- Не могу я смотреть, как Мяньмяня обижают. Если бы наша семья не была бедной, я бы давно выкупила его тебе в жены.

Вторую половину фразы она произнесла негромко, но Чжао Ху стоял рядом. Как он мог не услышать? Он тут же покраснел до самой шеи.

- Матушка!

- Ладно, ладно, пошутила я. А ты и поверил.

Тетушка Чжоу бросила на Чжао Ху взгляд, но тут вдруг почувствовала запах гари. Только тогда она вспомнила, что на кухне что-то варится на плите. Вскрикнув, она бросилась туда.

http://bllate.org/book/17814/1691576